Федор еще пытается противиться этим мыслям, вспоминая, что он обещался «живот свой съкончати в печере сей», а теперь станет «бегун и мирский житель» (стр. 115), но в конце концов уступает желанию сохранить богатство и начинает готовить «возы и ларьца», чтобы уехать из монастыря. Так раскрывается внутренний мир инока-отшельника, и изображению этой борьбы в его душе противоречивых настроений нельзя отказать в убедительности, несмотря на то что все «мирские» мысли в этом споре отданы «бесу», которому обманутый его иноческим обликом Федор возражает слабо и неуверенно. Сняв с картины этого спора ее традиционную оболочку, мы обнаружим в авторе этой легенды наблюдательного, вдумчивого знатока монастырской жизни. Он видел ее не только с показной стороны, но знал, что идеал иноческой жизни не все и не сразу выдерживают до конца. За внешним поведением инока автор стремится разглядеть его мысли, настроения, следуя наставлениям «слов» «како жити христианом». Именно эти «слова» напоминали, что обязательные для христианина дела, и среди них «воздержание и милостыня», ценны только тогда, когда «нрав» и «помыслы» соответствуют им.[26] Спор Федора с бесом о богатстве — пример такого несоответствия «помыслов» инока с его жизнью в «печере».

В тот момент, когда Федор уже окончательно решил уйти из монастыря и тайно готовился к отъезду, вернулся настоящий инок Василий. Не без труда ему удается доказать Федору, что он обманут «лестью» дьявола, принявшего облик Василия. С тех пор Федор окончательно поборол свои сомнения, закопал в глубокую яму свои сокровища («и доныне никто не съвесть, иде же сокровенно есть» — так автор подкрепляет достоверность своего рассказа) и перестал жить «празден»: он стал «работати на святую братию». Теперь Федор сам получил власть над бесами, которые пытаются досаждать ему мелкими житейскими проказами, становятся похожими на тех бесов, которые в житии Феодосия озорничали в пекарне и в хлеву. Покоряясь силе «преподобного» Федора, бесы вынуждены работать на монастырь. В этих эпизодах религиозные мотивы уступают место картинам монастырской повседневной жизни. Чтобы не заставлять инока каждый день ходить в «сусек» за пшеницей, которую он обязался молоть «своима рукама», игумен сразу прислал ему 5 возов. Ночью, утомленный работой, Федор уснул, «внезаапу гром бысть», и жернова сами стали молотить. Федор, «разумев бесовъское действо», приказал «диаволу»: «Не престани от работы, дондеже измелеши все жито, да и ты поработаеши на святую братию» (стр. 117). «Старости ради» Федор решил выйти из пещеры и построить себе келью «на ветхом дворе». В это время сгоревший монастырь отстраивался заново и на берегу стояли плоты, которые нанятые «извозники» должны были поднять «на гору». Федор решил носить бревна сам. Тогда «беси», «хотяще прогнати» его, стали сбрасывать бревна с горы. Федор приказал бесам поднять на гору все бревна, и к утру внизу не осталось ни одного. Но тогда «наймити и извозници», потерявши заработок, «въздвигоша крамолу на блаженнаго, просяще найма своего» (стр. 118). Они обвинили Федора, и «неправедный судиа, мзду взяв» от них, приказал Федору уплатить им: «Да помогут ти беси платити, иже тебе служат».

Украшенный фантастикой рассказ о «сокровище», якобы по указанию дьявола найденном Федором в пещере, опирался на предание, связанное с самым названием пещеры — «варяжьская». На вопрос князя, «кым,

---

[26] В. Адрианова-Перетц. Изображение «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков, стр. 17.